

Во всякій моментъ моей жизни, — говоритъ графъ Толстой, — когда бы я ни спросилъ себя, что я такое, я отвѣчу: нѣчто чувствующее и мыслящее, то-есть нѣчто имѣющее особое свойственное ему отношеніе къ міру. Только это я признаю за свое Я, и ничего больше. Что касается того, когда и гдѣ я родился, когда и гдѣ я началъ чувствовать и мыслить, какъ чувствую и мыслю теперь, то относительно этого сознание мое ничего мнѣ не говоритъ; оно говоритъ только: я существую и нахожусь въ связи съ міромъ, гдѣ я теперь.

Очевидно это не что иное какъ опредѣленіе Декарта, субъекта какъ вещи мыслящей (такъ какъ съ точки зрѣнія Декарта чувства содержатся въ мышленіи). Но при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи субъекта сознанія, графъ Толстой нѣсколько отступаетъ отъ этого опредѣленія, или по крайней мѣрѣ освѣщаетъ преимущественно такую сторону субъекта, которой въ помянутомъ опредѣленіи не содержится. „Какой же принципъ связываетъ всѣ послѣдовательные моменты сознанія во времени?“ спрашиваетъ онъ. Съ точки зрѣнія Декарта вопросъ этотъ не имѣетъ значенія, такъ какъ для него сознаніе безусловно непрерывно и прекращеніе сознанія было бы равносильно исчезновенію сознающаго. Обычныя указанія на перерывы въ сознаніи во время обмороковъ или глубокаго сна, разумѣется, ничего не доказываютъ, такъ какъ изъ нихъ слѣдуетъ только